

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Юрий СОХАРЬ, профессор

ВСТРЕЧИ С МАШЕРОВЫМ...

Кто-то из философов-агностиков сказал, что к столетию со дня рождения человека изменяются не только воспоминания о его образе жизни, но даже черты лица на его портретах. Не берусь спорить или соглашаться с теориями великих, но замечу, что год столетнего юбилея Петра Мироновича Машерова проходит очень «постно»: со стороны как государства, так и его современников и даже соратников.

В чем причина? Ведь как-то не по-людски получается: жил-жил человек на своей родной земле, защищал ее от врагов-чужеземцев, стал героем, трудился на благо Отечества, много лет возглавлял коммунистическую партию, являясь по сути руководителем республики, был всенародным любимцем, а потом трагическая смерть – и необъяснимое забвение, вроде как и сказать о нем нечего.

Само собой разумеется, мало кто сегодня может по-настоящему правдиво рассказать, каким он был. Многие его соратники, коллеги по службе в ЦК КПБ тоже покинули этот мир (недавно ушел его близкий друг, бывший 2-й секретарь ЦК Александр Никифорович Аксенов). Другие, помоложе, товарищи по партии, которым есть что вспомнить, ссылаются на забывчивость, усталость и на общее плохое состояние здоровья. Может, лукавят. А может, не хотят быть упрекаемы в забвении приличий.

Современники-журналисты вроде бы и желают что-то сказать о «хорошем руководителе», но, кроме «говорят, якобы он хотел...», «слышал, что однажды его послали... или сказали, что бы он пошел... а он не захотел, не послушался...», ничего фактического о работе и жизни этого человека не знают. Хотя изданные в текущем десятилетии книги Николая Чехлова и Славомира Антоновича несколько заполнили информационный вакуум вокруг фигуры П.М.Машерова. Но, на мой взгляд, большинство повествований, банально нанизанных на воспоминания «счастливых» людей, существенно не дотягивают до личностного уровня героя. А некоторые даже принижают его образ и особенно его романтический характер. Но похвально, что для истории сохраняются хотя бы фотоальбомы и книги воспоминаний.

Можно услышать и таинственно-многозначительное: «Мы знаем о нем такое!..» Не раз обещали рассказать об этом широко всему свету. Но почему-то молчат. Что на это можно сказать? Несомненно, о человеке, который из прожитых 62 лет более 33 находился на публичной, руководящей работе, можно поведать и «такое», и «стакое». Ведь уже с послевоенной молодости Машеров жил на белых, полугосударственных хлебах, обеспечивая по протоколу. Безусловно, были у него и неприятные

случаи на службе, и сладостные моменты романтической дружбы, и комсомольские слеты-загулы, залеты-разгулы и партийные доносы-разносы, и предупреждения, и восхваления... Тогда, занимая высокие посты, надо было быть «зорким, вертким, ушлым», ибо соблазны подстерегали на каждом шагу. Строжайший самоконтроль – это главная установка для «партраба». Но...

Давно известно и не является секретом, что в системе КПСС как наверху, так и в ее недрах процветал фаворитизм. Конечно, это явление всячески скрывалось. Каждый работник, приглашенный (назначенный) во властные структуры (от районного комитета до ЦК), проходил пристрастное «чистилище» с клятвами в верном служении партии и неразглашении ее тайн. Тот, кто это знает, подтвердит, что тайн этих было множество: деньги, квартиры, издательства, дипломатические дела, всяческие романтические отношения и т.д. и т.п. Но в основе секретов – выдвигание, поддержка, поощрение фавориток (фаворитов), что являлось особой, строжайшей тайной, разглашение которой предполагало тяжкие наказания. Но при всем том провинившихся болтунов партия далеко не изгоняла. Их переводили в гортопы, профсоюз, культуру, на руководящие должности всяческих мелких предприятий, пристально присматривая за ними, и этим как бы перевоспитывали их, давая шанс для восстановления. Некоторых «особенно ценных» по прошествии времени снова возвращали в партийное лоно. Ибо обозлить таких было нежелательно – слишком много всякого знали. Примеров героического множества. Предполагаю, а архивы (самые секретные) располагают подробной информацией об этом – не только...

Конечно же, как бы возмущенно мы ни рассуждали о жизни Петра Мироновича, он, как и все мы, был человеком, а следовательно, при той сладкой жизни ему тоже ничто не было чуждо. Доверял, считал то такое» могло у него (или с ним) быть и личной жизни, на лесных или иных тропках войны... но об этом пока размышляю только, пока это интересно и важно. Я не буду выкапывать тайны его молодости, светлой жизни, а также «мализированной» что-то рассуждения, мнения, мысли, пикантные подробности и забавы... У меня есть собственные воспоминания о встречах, беседах с этим обаятельным, ярким, многозначным в своих служебных поступках и обаятельности человеком, руководителем высшего ранга. Да, он был личностью во многом противоречивой и несамостоятельной в своих решениях, как казался тогда, да и сегодня, многим людям. Безусловно, очень жаль, что по воле трагического случая жизненный путь П.М.Машерова завершился так нелепо.

Однако – пойдем по порядку.

ние! – Потом подошел к Машерову. – Дочь чья? Моя! Значит, и жалование мое, оттого я и требую. А то возьму ее, дочь свою... Степанида!!! – обратился он к Наташе. – Иди ко мне!

Я решил остановить его и строго сказал: – Вы – не отец... Отец – это человек! Но разве человек – вы?

– А Павлин говорит: отец всегда может требовать жалование. Павлин говорит...

– Убирайся вон! Живее! А то!.. – я замахнулся на него тростью.

– Я уйду, уйду... Только... (он подошел к Машерову) только, Петр Миронович, дайте хоть полтинник – на хлебушек... деревенский... Сегодня хорошо в деревнях хлеб пекут!

Машеров растерялся, что-то пробормотал и стал шарить в кармане куртки. В это время из-за кулис, звеня шпорами и громко хохоча, вывалился исправник (Волея Баклейчев). Дунькин муж, понимая, что встреча с исправником для него опасна, кубарем скатился по ступенькам в зрительный зал и залег у авансцены. Исправник-Баклейчев строевым шагом прошел по сцене и выкрикнул:

– Сми-и-ир-но! Выпили, закусили – хорошо-с-с! – Вдруг обратил внимание на Машерова: – Извиняюсь... господин... извиняюсь... товарищ... (Виногато.) Знаете, я как-то так... незаметно... выпил весь херес! Адское, скажу вам, вино! Адское! Здесь всё прекрасно: закуска и выпивка – всё! Я благодарен ему (указал на меня), этому Редозубову, голове... Не пожалуйте он на вас – еще когда я познакомился бы с вами, дорогой Петр Миронович! – Вдруг прижал рукой живот. – Ой!.. Мне надо... Действительно адское вино... Спешу...

Исправник скрылся в глубине сцены. Повисла пауза. Я продолжил представлять Машерову моих товарищей по борьбе за освоение сценических навыков, умений, мастерства. Это были яркие, одаренные природой молодые таланты: Валентина Богдан-Барковская, Григорий Белоцерковский, Владимир Аносов, Владимир Корнезо, Николай Трухан, Светлана Никончик, Татьяна Волкова, Тамара Шапшалова, Катерина Абызова, Валерий Пономарев. Когда этот импровизированный капутник закончился, я, глубоко выдохнув, сказал:

– Ну вот все мы, варвары, перед вами, Петр Миронович, – приезжие инженеры и обыватели города Верхополья...

– Все? А вот и не все, – интригуяюще произнес гость. – Вон та веснушчатая девочка – разве не ваша, господин голова? – Он показал на Светлану Окружную, которая сидела несколько особняком, в стороне от других.

– Простите великодушно! Это же моя кровинушка, мой «варваренок», Катя Редозубова... Дочь моя, ты видишь эти слезы?.. То плачет твой отец! – пафосно произнес я текст из роли и, артистично смахнув слезу, строго сказал: – Катенька, домой! Не слушай их! Здесь вертеж!

Но Катя-Окружная подошла к Машерову и, озаир его невинной улыбкой, сказала:

– Вот так всегда, Петр Миронович: талантливых, но скромных всегда затирают, затемняют, а потом о них совсем забывают. Но я себя забыть не позволю, я себя покажу! – потом словами своей героини, страстно глядя на Машерова, добавила: – Эх, кабы вы были моим мужем, я бы вас вот так держала! – она крепко сжала себя руками.

Мы все расхохотались, зааплодировали. Машеров был растроган, ему все нравилось, не ошибусь, если скажу, что он наслаждался происходящим. Когда все успокоилось и сели на свои места, он поднялся и тихо сказал:

– Спасибо, ребята! Вы меня здорово удивили. Я планировал побыть с вами минут 15–20, а получилось

Туфельки для бала

Мое знакомство с Петром Мироновичем произошло весной 1969 года в здании Театрально-художественного института (БГТХИ). Наш выпускной актерский курс оказался в сложной ситуации: тяжело и, как оказалось, неизлечимо заболел художественный руководитель профессор Д.А.Орлов. Выпуск дипломных спектаклей («Варвары» М.Горького и «Соловей» по Зм.Бедуле) был под угрозой срыва. В группе начались разброд и шатания. Деканат, кафедры мастерства актера и режиссуры, пытались восстановить учебную атмосферу, назначали, рекомендовали нам других режиссеров-педагогов. Но основная группа курса стойчески их отвер-

выстроились на сцене. Ректор без волнения, уверенно проинформировал Петра Мироновича:

– Это наш двадцатый юбилейный выпуск актеров театра и кино. Ребята очень талантливые. Но вот беда – перед дипломными показами остались без режиссера-педагога, руководителя курса. Приходится им самостоятельно завершать спектакли...

– Да, да, – тихо сказал Машеров, – я знаю. Орлов находится у нас в лечкомиссии, ему оказывают необходимую помощь. Думаю, что скоро он поправится и вернется к вам...

Образовалась пауза. Ведь мы все достоверно знали, что «наш Дима» уже не вернется...

Ректор, обратившись ко мне, попросила: – Юра, представь, пожалуйста, ребят.

подмосткам, добавила: – Здесь я создала несколько интересных характеров молодых героинь. Особенно мне дороги образы прогневившей учительницы Татьяны и гордой сироты Вероники из драматических произведений, как мы гордо «Мещане» и «Яков Богомолов» в постановке великого режиссера-педагога Константина Саниникова. Об этом говорили критики и рецензенты, отзываясь восторженно. Так что, уважаемый Петр Миронович, я не только училась творить, как вы выразились, но и достойно творила... После окончания института работала здесь педагогом-мастером, а потом вы взяли меня... в ЦК КПБ своей помощницей.

Эти слова ректор произнесла особенно выразительно, с только ей известным полтекстом. Как мне

– Проведут железную дорогу – все испортят. (К Машерову.) Спросите, чем испортят? Нашествием чужих людей.

Все заулыбались, а Женя мягкой походкой подошел к гостю и, заговорщицки доверительно достав из-за паузы объемную стопку бумаги, трепетно произнес:

– Вот, сочинение мною написано... «Некоторые рассуждения о словах, составленные для обвинения лжи бескорыстным любителем истины». Девять лет писал. Вы спросите: о чем? Против новых слов я... Например... – тут он нервно стал листать свою рукопись, надеясь найти необходимую страницу. – Ага, вот: «Раньше говорилось – ябеда, а теперь говорят – корреспонденция... Раньше говорили – недоступное, а теперь – недосыгаемое...»